

УДК 94(3)

**ФЕНОМЕН ГАЛЛО-РИМСКОГО ПАТРИОТИЗМА
НА ЗАКАТЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ**

**THE PHENOMENON OF GALLO-ROMAN PATRIOTISM
IN THE ROMAN EMPIRE'S DECLINE**

Е.В. Литовченко

E.V. Litovchenko

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: Litovchenko@bsu.edu.ru

Ключевые слова: Галлия, Римская империя, галло-римская элита, патриотизм.
Key words: Gaul, Roman Empire, Gallo-Roman elite, patriotism.

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению феномена патриотизма галло-римской аристократии в позднеантичный период (IV-V вв.). Автор приходит к выводу о том, что основанием сохранения патриотических настроений в римской провинции Галлии в последнее столетие существования Римской империи послужил комплекс факторов: урбанизация Галлии, распространение риторических школ, римских нравственных устоев, модели поведения, опора центральной администрации на местную элиту. Вариации галло-римского патриотизма зависели от хронологических периодов, отличающихся все более ослабевающей ролью государства во всех сферах общественного бытия, и от вероисповедания, представленного как полярными взглядами на высшие силы – язычество и христианство, так и степенью проявления христианского пыла.

Resume. This paper deals with the phenomenon of Gallo-Roman aristocracy patriotism in the Late Antiquity (4-5 A.D.). The author is coming to a conclusion, that as the basis of conservation of patriotic sentiment in the Roman province Gaul in the last century of the Roman Empire were the complex of factors such as Gaul urbanization, the spread of the rhetorical schools, the Roman moral values, behaviors, backup of the central administration by the local elite. Variations of the Gallo-Roman patriotism depended on the chronological periods that differed in growing weak of the state in all spheres of public life, and in religion presented as polar views on higher forces - paganism and Christianity, as the different tour de force of the Christian ardor.

Формирование чувства патриотизма напрямую зависит от существующей в сознании человека идентичности, самоотождествленности, «смысла себя». Современные исследователи констатируют острый кризис идентичности в меняющемся мире, обусловленный влиянием процессов глобализации, политикой мультикультурализма и вестернизацией.

В сложившейся социокультурной ситуации, по-новому интерпретируется роль провинции. Теперь она рассматривается не только как хранитель культурных ценностей, в первую очередь, но и как среда, в которой происходит формирование и консервация повседневного и духовного опыта, а, следовательно, упорчение идентичности. Такое переосмысление подразумевает обращение к историческому прошлому человечества, в том числе и к истории провинций Римского государства.

Территориальная или локальная идентичность против имперской идентичности, то, что в западной историографии принято называть «Romanness»¹, имела первостепенное значение в период Поздней Античности. В отличие от греков, римская идентичность базирова-

¹ Собственно римская идентичность. Термин активно используется современной западной историографией, на латыни ему примерно соответствует понятие «Romanitas», достаточно редко употреблявшееся, впервые этот термин был использован в III в. Тертуллианом в работе *De Pallio*.

лась не только и не столько на основе единого языка и этнических особенностей²; быть римлянином означало быть частью единого политического и религиозного сообщества с общими ценностями, обычаями, моралью и образом жизни³.

Патриотизм стал в римском обществе основой идеологии и системы ценностей. Данный феномен нашел свое проявление не только в готовности каждого гражданина пожертвовать собой на благо родине, но и в высочайшем уважении и трепетном отношении к прошлому своих предков, к традициям. В Риме всегда имело место представление о богоизбранности римского народа и о том, что Рим – великий город, прославленный своими победами.

Однако с формированием домината и установлением тетрархии Рим утрачивает, прежде всего, свое политическое значение и становится символом славы, блеска и могущества, не проявляя данных качеств в реальности. Теряет вместе с Городом свою силу и римская знать, на замену которой приходят провинциалы⁴, зачастую гордящиеся своим статусом, исходя из своего рода девиза Цезаря: «*Лучше быть первым в деревне, чем вторым в городе*». Поэтому культурные устремления провинциальной знати, ее социально-политическая роль, а также мировоззренческий потенциал имеют право находиться в фокусе научных исследований на сегодняшний день. Есть мнение, что именно галло-римская аристократия сумела сохранить античное историко-культурное наследие и определила его дальнейшую судьбу уже в средневековой Европе (С.С. Аверинцев, М.М. Гаспаров, В.И. Уколова и др.).

К интересующему нас периоду (IV-V вв.) Галлия давно уже являлась римской провинцией. Романизация этой области проходила весьма тяжело и далеко небезболезненно, и представляла собой достаточно сложный процесс. Важнейшие составные части ее:

- приобретение галлами римского или латинского гражданства;
- распространение в Галлии римских политических и социальных институтов;
- развитие городов и муниципального строя;
- влияние на Галлию римской культуры и идеологии⁵.

Утвердившаяся в Галлии римскими легионами новая власть, высказывала противодействие любой из форм подчинения политики религиозному началу. Это нашло отражение в структурной схеме римского общественного устройства. Данная система была полной противоположностью схеме кельтского общественного устройства. У римлян в отличие от кельтов, предполагался приоритет временного (царь, консулы) над духовным (фламины, которые практически не играли политической роли). В результате, в распоряжении друидов осталась лишь область традиционного обучения и религия. Но и в этих скованных условиях друиды столкнулись с серьезной конкуренцией. С одной стороны, эта конкуренция нашла отражение при установлении римского императорского культа и внедрении официальной римской религии повсеместно, с другой – устная галльская литература не смогла дальше развиваться в связи с распространением латинских школ, где образование основывалось на письменности, а не устном принципе.

Как утверждает Ян Филип, друиды принимали активное участие в восстаниях, всячески боролись с романизацией галльского общества. Именно поэтому установившаяся в Галлии римская власть была сильнейшим образом заинтересована в ликвидации этого института⁶.

Влияние романизации на галльскую аристократию – воинов-всадников - сказалось в скоротечном отчуждении администрации в галльских городах, причем, скорее всего, не римской, а романизированной. Таким образом, существовавшие до прихода римлян общественные структуры местных племен, послужили основой для формирования римской администрации. Завоеванная Цезарем территория, вместе с жившими на ней племенами, была разделена. Основой административного деления являлась цивитас (*civitas*).

² Население Поздней Римской империи можно расценивать как метаэтническую общность (или суперэтнос), объединяющую группы этносов, обладающих (хотя бы в неразвитой, зачаточной или остаточной форме) элементами общего самосознания, основанными на этногенетической близости или на длительном хозяйственном и культурном взаимодействии, что и обуславливает наличие у разных общностей общих социокультурных черт и установок.

³ Woolf G. *Becoming Roman: The Origins of Provincial Civilization in Gaul*. Cambridge, 2000. P. 120.

⁴ Об этом см. Litovchenko E.V. *The Cultural Space of Imperial Provinces as a Factor in Preserving Roman Identity in Late Antiquity* // TRACTUS AEVORUM. Эволюция социокультурных и политических пространств. №1(2). 2014. С. 195-201.

⁵ Нестеров А.Г. Об одном аспекте романизации кельтской аристократии в Римской Галлии в I в. до н.э. – начале III в. н.э. // *Античная древность и средние века*. Вып.17. Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980. С. 62.

⁶ Филип Я. *Кельтская цивилизация и её наследие*. Прага, 1961. С. 385.

Некоторые исследователи в свое время отмечали, что кельтская цивитас, как административно-политическая организация, сохранилась и в римскую эпоху в полной неприкосновенности. К. Жульен, например, утверждал, что и в римское время галльские общины продолжали оставаться теми же сущностями, какими они были в эпоху независимости⁷. Того же мнения придерживался и П. Гаксо, который отмечал, что римляне все оставили на прежних местах: обычаи, привычки, традиции. Единственное, что римляне сделали, по мнению данного автора, это то, что они поставили у власти в Галлии нужных Риму людей, организовали административное управление⁸. В результате в галльском обществе возникли социальные противоречия, основанные на политической борьбе между сторонниками и противниками Рима. Часть галльской аристократии неизменно поддерживала Цезаря, отдельные ее представители были верными его агентами среди своих же соплеменников и послами к Цезарю от имени своих общин для мирных переговоров.

Однако, по мнению Н.Н. Беловой, данные утверждения справедливы только в той части, в какой относятся к территориальным рамкам цивитас и ее подразделениям, пагам. Но понятие цивитас, как социально-политической организации, не может сводиться только к территории. Оно связано с формой управления, гражданством, характером социальных отношений и т.п.⁹ И здесь между кельтской цивитас и галло-римской необходимо отметить существенную разницу, обусловленную совокупностью исторических условий, при которых происходил переход кельтской цивитас из одного состояния в другое. В первом случае, это, как правило, родоплеменная еще организация, с только что наметившимся государственным аппаратом, преобладанием родовой аристократии. А галло-римская цивитас – это вполне сложившийся социально-политический организм, с четко оформленным государственным аппаратом, социальными отношениями и т.п. Таким образом, точнее будет сказать, что в основе галло-римской цивитас лежали прежние кельтские родоплеменные объединения, подчиненные политике Римской Империи. Объективные условия развития последних в цивитас были ускорены завоеванием и политикой Рима: кадастровая перепись, которая способствовала закреплению частной собственности и утверждению территориальных границ за отдельными племенами, распространение прав римского гражданства, насаждение муниципального строя – все это вело к качественным изменениям прежней кельтской общины, превращению ее из родоплеменной в государственную, рабовладельческую по содержанию, организацию¹⁰.

Трудно сказать что-то определенное о «романизации» простого галльского народа, разве что его доля была не столь велика, в частности, в том, что касалось повседневной жизни. Большая часть населения по-прежнему проживала в деревнях и была прочно привязана к земле. В деревню романизация проникала очень медленно. Именно это коренное деревенское население сумело сохранить старый быт, старые нравы и обычаи, родной язык. Иногда население с помощью мятежей пыталось пресечь процесс романизации и колонизации. Кроме того, коренное население пыталось сохранить старые производственные методы и технические знания. Приспосабливаясь к изменившимся условиям, галльские мастерские и в римскую эпоху продолжали работать, что позволило им стать основой всего провинциального римского производства¹¹.

Важным изменением в прежнем устройстве цивитас в римское время было изменение характера и роли городского центра. И это было связано с римской политикой консолидации местной аристократии, в которой Рим видел естественную опору своей власти в провинциях. В первые века н.э. наблюдался бурный рост городов в Галлии. Особенно активно политика урбанизации проявилась в период правления Августа. Французский историк А. Гренье называет этот период великой эпохой основания городов, самым значительным и самым блестящим ренессансом в истории Франции¹².

Утверждению главенствующей роли города в качестве политического центра цивитас и одновременно разложению прежней племенной организации и расколу ее на составные части в лице пагов особенно способствовало основание римских колоний. Главный город становился опорным пунктом романизации и римского влияния на всю общину. К этому сводилась

⁷ Jullian C. *Historie de la Gaule*. T. IV. Paris, 1914. С. 362.

⁸ Gaxotte P. *Histoire des Français*. Vol. I. Paris, 1951. С. 68-69.

⁹ Белова Н. Н. Городской строй в Римской Галлии в первые два века н.э. // *Античная древность и средние века*. Свердловск, 1960. Вып. 1. С.36.

¹⁰ Там же. С. 38.

¹¹ Филипп Я. Указ. соч. С. 387.

¹² Grenier A. *Manuel d'Archeologie gallo-romaine*. Vol. V. Paris, 1931. С. 689-690.

суть римской политики урбанизации, выведения колоний и муниципализации городского строя.

Таким образом, галло-римская *цивитас* даже по внешней своей структуре значительно отличалась от кельтской: за ней прочно утверждаются территориальные границы, контингент населения. Город в римскую эпоху становится в Галлии средоточием экономической, политической и культурной жизни, центром римского влияния на местное общество. Галло-римское общество приобретает, благодаря римскому влиянию, определенную структуру, как внешнюю административно-политическую, так и внутреннюю, социальную, через утверждение римского муниципального строя.

Романизация вслед за изменением социальной жизни галльского общества коренным образом изменила и традиции его жизнеустройства: исчезло представление о роде, а со временем римский образ жизни и городская жизнь стали привлекательными для жителей Галлии.

В первом же веке, после завоевания Римом Галлии, почти все галлы поменяли свои имена на римские. Галльские поселения начинают приобретать вид римских городов; на территории Галлии появляются роскошные виллы, шоссейные дороги. В связи с появлением латинских школ исчезают друидические семинарии. В школах преподавались математика, риторика, поэзия; особое внимание уделяется развитию охоты к чтению, собиранию коллекции книг. Все это способствует развитию художественного и литературного творчества¹³. В скульптуре, также как и в других отраслях искусства, очевидно активное римское влияние. Более реалистический подход и использование пластической формы постепенно вытесняли кельтский стиль. Изменения происходят и в схематичном изображении людей и животных. Помимо старых изображений, появляются новые восточные мотивы. Статуи получают более совершенную обработку¹⁴, но не вытесняя до конца кельтские черты.

Таким образом, завоевание Галлии Цезарем в I в. до н.э. привело к разрушению кельтской политической структуры как таковой. Вся кельтская аристократия была либо уничтожена физически, либо романизирована. Управление проводилось в соответствии с римским правом, администрация опиралась на местную элиту. Вследствие изменения структуры галльского общества исчезло представление о роде, прервалась нить передачи знаний от друидов к способной аристократии, таким образом, была уничтожена «верхушка» общества, место которой было занято либо ставленниками из Рима, либо самими галлами, готовыми служить недавним врагам-завоевателям. Помимо социально-политической сферы, галльская экономика и торговля перед концом старой эры уже имели иную структуру, так как из территориальной племенной структуры создавались центры – *оппидумы* с большой плотностью населения, что повлекло развитие монетного дела и перестройку всего экономического цикла общества.

Но, пожалуй, решающее значение имел идеологический аспект. Римская империя являлась не чем иным, как супердержавой своего времени, ее территория была огромна. Это и послужило своеобразным стимулятором патриотических устремлений римского населения. Само существование такого могучего, стабильного и процветающего государства рождало сильнейшее чувство гордости, уверенности в завтрашнем дне, всемогущества. Важно и то, что подобный настрой был присущ не только правящей и господствующей элите, но и среднему слою населения. Это чувство проникало в умы людей и способствовало созданию особого психологического и духовного климата¹⁵. Благодаря высокому уровню экономического благосостояния, а также наличию местного самоуправления римским гражданам предоставлялась возможность реализовывать свои способности в общественно-политической деятельности.

В целях сплочения народов, проживавших на территории империи, под властью Рима, римскими императорами были предприняты попытки формирования культов, которые являлись общеимперскими. Основывались они, прежде всего, на обожествлении императора, на том, что для их душ было уготовано бессмертие, а также особое место на полях блаженных и в звездных сферах¹⁶.

¹³ Корякова Л.Н. Археология раннего железного века Евразии. Екатеринбург, 2002. С. 177.

¹⁴ Филипп Я. Указ. соч. С. 399.

¹⁵ Гиро П. Быт и нравы древних римлян. Смоленск, 2001. С. 295.

¹⁶ Штаерман Е.М. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 177-178.

Таким образом, была сформирована «имперская идея»¹⁷, в рамках которой Рим мыслился как Град последний и Град вечный (*Urbs aeterna*). Такого рода заявления были связаны с представлениями римлян о пределе достижения вершины, которое возможно в развитии человечества, о «конце истории». Рим как «единый Космополис» Ойкумены предлагал «мир» (*Pax Romana*) и «справедливость» всем народам, проживавшим на территории Римской империи и находившимся под господством Рима. *Pax Romana* воспринимался как часть мира, где наведен порядок, распространен и установлен один, единый, универсальный для всех образец¹⁸.

Секрет долговечности империи заключался в том, что для укрепления верховной власти следует не только мобилизовать, но и укрепить местные традиции и обычаи. Представления о политике романизации у римлян не было, и они никогда не пытались и не стремились проводить такого рода политику. В Римской империи местные традиции народов, входивших в состав Римской империи, не выживали, а получали дальнейшее развитие не вопреки общей культуре, а в ее русле, внутри нее¹⁹. Всеобщая вера, охватывающая все население, в бессмертие Города и Империи была настолько сильна, что контраст между официальной декларируемой вечностью императоров и неустойчивостью их положения в реальности производил сильное гнетущее впечатление (времена Северов и их наследников)²⁰.

Рим постепенно деградировал и вырождался как духовно, так и физически²¹. Во многих сферах жизни – культуре, театре, литературе насаждались жестокость, цинизм и разврат. Во времена Диоклетиана и его преемников Рим перестает быть политическим центром не только всей Римской империи, но даже и западной ее части. В качестве резиденций императоры использовали теперь Милан, Трир, Константинополь или Равенну.

В этот период противоречия между пропагандой имперской идеологии и реальной действительностью достигают апогея. Усиливается идеологический нажим на нижние слои населения, идет подготовка к теократической монархии эпохи домината. основополагающие лозунги, касающиеся вечности Рима, золотого века, непобедимости императора, равенства, согласия, мира, победы, которые были характерны для официальной пропаганды идеологии, продолжали утверждаться в неподходящих для этого условиях. В этот период провинции Рима отпадали от него. Римское войско терпело поражение за поражением на всех границах государства. Происходило и обострение всех социальных противоречий до крайности. Римские города приходили в неслыханный упадок. В результате данных изменений в сознании римского общества, повсеместное распространение и окончательное утверждение получает христианство.

В таких условиях появляется новый слой земельных магнатов, который чем дальше, тем все более удерживал в своих руках всевозможные ресурсы, а вместе с тем и реальную власть, как светскую, так и духовную, облаченную в епископскую мантию.

С этих пор в Риме доминирует «имперская» аристократия, вышедшая из провинций. Именно провинциальная элита, заменившая старую римскую аристократию, стремилась сохранить вечный идеал, который для нее был неотделим от Рима. Главным проводником старых имперских ценностей была система риторических школ, коими в большом количестве могла похвастаться Галлия²². На этом основании М. фон Альбрехт считает Галлию «цитаделью культурной жизни поздней античности»²³. Кроме того, в IV–V вв. Галлия, граничащая с Германией, стала римским форпостом в борьбе с варварами, что ещё больше укрепляло значение этой провинции в латиноязычном западном мире и побуждало представителей интел-

¹⁷ Об этом см. Литовченко Е.В. Классическая традиция в трудах позднеримских интеллектуалов (конец IV – начало VI вв.) // Дисс. канд. ист. наук. Тула, 2007. С. 87-95; Пиков Г.Г. Исторические термины и историческая действительность (Империя как феномен европейской истории) // Гуманитарное образование в Сибири. Новосибирск, 2000. С. 103-121; Тойнби Дж. Постигание истории: Сборник / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М., 2001. С. 499-500; Чернышев Ю.Г. К вопросу о содержании «государственной» идеологии в Римской империи // Античное общество - IV: Власть и общество в античности. Материалы международной конференции антиковедов, проводившейся 5-7 марта 2001 г. на историческом факультете СПбГУ. СПб., 2001. URL: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/confcent/2001-03/chernysh.htm> и др.

¹⁸ Штаерман Е.М. Указ. соч. С. 153.

¹⁹ См. Бауэрсок Г. Римская империя в постимпериалистической перспективе // ВДИ. 1997. № 4. С. 89.

²⁰ Грималь П. Цивилизация Древнего Рима. Екатеринбург, 2008. С. 475.

²¹ См. Васильев Н.А. Вопрос о падении Западной Римской империи и античной культуры в историографической литературе и в истории философии в связи с теорией истощения народов и человечества // Изв. об-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те, 1921. Т. 31. Вып. 2-3. С. 52-60.

²² Известными духовными центрами Поздней Римской империи были школы в Марселе, Арле, Ниме, Тулузе, Нарбонне, Вьенне, Пуатье и Бордо.

²³ Альбрехт М. фон. История римской литературы / Пер. А.И. Любжина. Т.3. М., 2005. С. 1410.

лектуальной элиты с особой тщательностью беречь высокую латинскую словесность и воспевать былую славу римского народа, лучшими представителями которого они считали себя.

Позднеантичная Галлия дала Риму много известных имен, среди которых последний крупный поэт античности – Децим Магн Авзоний, представитель интеллектуальной элиты галло-римского общества, епископ Сидоний Аполлинарий, поэт-язычник Рутилий Намациан, замечательные христианские авторы – Сальвиан Марсельский, Сульпиций Север, основоположник христианской поэтической традиции Павлин Ноланский, а затем и Григорий Турский.

Полезными для нашего исследования выступают работы Авзония, Павлина Ноланского, Рутилия Намациана, Сидония. Каждый из них, в той или иной мере, может быть удостоен звания «патриота Рима» родом из Галлии. Но первым среди прочих, как хронологически, так и по степени выражения патриотических настроений, безусловно, является Авзоний (310–394 гг.), которому посчастливилось творить в период относительной стабильности. Очевидно, что позиция Авзония повлияла на последующих авторов, поскольку он сам был преподавателем риторической школы, т.е. транслятором и проводником традиционных римских ценностей.

В произведениях Авзония жива идея вечности империи и олицетворявшего ее Рима. Так он пишет про Рим: «...Рим золотой, обитель богов, меж градами первый...» (Auson. Cons. Orat., 1.1, 98 – 103), «...Не затмеваясь ничем, даже близостью вечного Рима...» (Ordo urb. nob., 30–35), «...Рим стоял во главе городов...» (Ibid.), «...Рим – превыше всех родин...» (Ibid.). Варвары в стихах Авзония знают свое место и, хотя и присутствуют на границах империи, однако не представляют серьезной опасности для мощного государства:

*Укроены враги: там франки со свевами спорят,
Кто покорней, желая служить под римским оружьем;
Там к савроматской бродячей орде прибавились гунны;
Там налетают на Истр в союзе аланы и геты
(Это мне вести несет быстрокрылая наша Победа) –
Но император грядет, венец наших почестей близок, –
Кто в соучастники взят, тех ждет по заслугам награда.*

(Auson. Cons. Orat., 30–35)

Поэзия любимого ученика «великого ратора» Павлина Ноланского (ок. 353–431) носит в отличие от авзониевской чисто христианский характер и, поэтому, очевидно, не выражает столь явной приверженности патриотическим устремлениям. Тем не менее, при перечислении традиционных римских инсигний – курульного кресла, трабеи – чувствуется оттенок уважения и восхищения, а Рим поэтично называется «столицей латинской Квирина»:

*...Мне ль горевать, что в Равран перешло авсонийское ныне
Кресло курульное, иль что уж ветошью стала трабея,
Блеск коей все же горит в столице латинской Квирина
И среди цезарских тог, расшитых пальмами также,
Все продолжает сиять не тускнеющим золотом вечно,
Твой охраняя почет, который не может увянуть...*

(Epist. ad Auson. 250).

Патриотизм Рутилия и Сидония имел ту же природу, что и у Авзония, но другую причину: скорее вопреки, чем благодаря. Начало V в. было временем упадка и кризиса западной части Римской империи. Она стояла практически на краю гибели: границы были открыты, в 407–408 гг. силинги, свевы и бургунды вторглись в Галлию и опустошили ее, в 409 г. аланы и свевы захватили Испанию, в 410 г. – вестготы Алариха подвергли осаде и разграблению Рим.

В 412 г. вестготы разорившие Италию, совершили еще одно вторжение в Галлию и подвергли ее опустошению. Всюду царил анархия и произвол. Центральная власть была парализована. Города сами пытались организовывать свою оборону²⁴. Провинции погрузились в хаос, традиционная администрация либо исчезала, либо не имела никакой власти, широко распространились социальные бунты и бандитизм²⁵. Везде царил упадок и разорение – города пустыли, поля забрасывались, люди стали жить тесно и убого, латинский язык пришел в упадок, в провинциях хозяевами стали варварские короли и князья, – во всей стране разруха и развал²⁶.

²⁴ Джонс А.Х.М. Гибель античного мира. Ростов н/Дону, 1997. С. 109–110.

²⁵ Андерсон П. Переход от античности к феодализму. М., 2007. С. 110.

²⁶ Гаспаров М.Л. Поэзия риторического века // Поздняя латинская поэзия. М., 1982. С. 5–6.

На этом фоне галло-римский поэт Рутилий Намациан создает в поэме «О моем возвращении» «*De reditu suo*» идеализированный образ Рима, соответствующий воззрениям аристократической партии Симмахов и Никомахов, но как-то не вяжущийся с жесткими условиями начала V в. С другой стороны, после взятия Рима Аларихом (410 г.) исповедание его способности возродиться выглядит особенно трогательно. Восстать из пепла и вырасти под ударами судьбы — вот что автор со всей своей пронизательностью считает одним из законов существования Рима: *ordo renascendi est crescere posse malis* («*вот возрождения путь — в бедах суметь возрасти*» I, 140)²⁷.

Поэма «*De reditu suo*» считается написанной в 416 г., так как в поэме есть такие строки, посвященные Риму: «...Тысяча сто шестьдесят тебе лет уже миновало, / И в добавление к ним год уж девятый идет...» (Ibid. 135 – 136), т.е., Риму в определении поэта 1169 лет, — это 416 г.²⁸ Ее написание связывают с усилением идеологической строгости — в 416 г. издается указ, запрещающий язычникам занимать государственные должности, вследствие чего Рутилию и пришлось покинуть Рим. Она написана в жанре путевого дневника²⁹ и описывает его путешествие из Рима на родину в Галлию. В своем повествовании автор показывает картину разорения римских земель варварскими вторжениями и набегами, дает представление об усилении христианства, даже среди знатных римлян, подвергая осуждению религии иудаизма и христианства. Он прославляет Рим и его государственность, его поэма является отражением духовного фона языческой аристократии в V в. — времени упадка и катастрофических потрясений римской цивилизации.

Усиление влияния концепции «*Aeternitas Romae*» в римском языческом обществе связано с осознанием опасности уничтожения Империи, после катастрофы под Адрианополем в 378 г., когда впервые чуждые варварские силы смогли проникнуть и установить господство над частью римского мира³⁰. Она как бы противопоставлялась этой угрозе. В результате начала осмысляться роль Рима в становлении цивилизации. К V в., несмотря на упадок и, казалось бы, приближающийся закат, было достигнуто осознание исторической роли Рима³¹.

Поэтому восстановление языческих традиций среди римлян связывалось прежде всего, с восстановлением культа Рима, это ярко отражено в поэме Рутилия Намациана, которая содержит молитву богине Роме. Прославлению культа Рима, утверждению вечности и неизблемости Города посвящены строки 47–154 (107 строк!), кроме того, во вводных строках и в конце второй книги также содержатся подобные мотивы. Олицетворяя Город в богине Роме, поэт так характеризует Рим: «...чей вечный удел в небе, исполненном звезд!» (Rut. Nam. I.48), «...праматерь людей и праматерь бессмертных...» (Ibid. I.49), «...до конца твоего никакие не меряны сроки...» (Ibid. I.137), «...твоей бесконечной весною...» (Ibid. I.114), «...вековечное царство, коему пряжа прядлась на веретенах судеб...» (Ibid. II. 55-56), «...смертную мать — Нерон, Стилихон же бессмертную губит...» (Ibid. II. 59), обосновывая временную вечность Рима его пространственным единством и универсальностью, его могуществом. Рим — это весь мир: «царица» (Ibid. I. 47), «...разным народам единую ты подарила отчизну...» (Ibid. I. 63), «...то, что было — весь мир, городом стало одним...» (Ibid. I. 66), «...землю заставила всех в общем согласии жить...» (Ibid. I. 78), «...звезды, которые мир блюдут в вековечном движенье, более славную власть видеть нигде не могли...» (Ibid. I. 81-82), «...к высшей мощи пришла знатная слава твоя...» (Ibid. I. 89), «...не перечислить трофеев твоих, возносящихся в славе, — легче было бы счесть звезды в ночных небесах...» (Ibid. I. 93-94).

Автор делает исторический экскурс, чтобы, сравнив Рим со всеми существовавшими мощными государствами, доказать его превосходство: по мнению поэта, ни ассирийская, ни парфянская, ни македонская державы не достигли такого могущества, как Рим (Ibid. I. 82-85). Автор надеется, показав историческое развитие славы римлян, обосновать ее продолжение и обновление в будущем, преодолев упадок в настоящем. Автор молится: «Вскинь же, о Рома, венчанную лавром главу и святую / Преобрази седину в юную свежесть кудрей! / Пусть башиеносный венец горит золотой диадемой, / Пусть твой щит золотой вечные мечет огни!» (Ibid. I. 115-118). Он просит богиню не гневаться, персонифицируя Рим, восстановить былое величие, постоянно обращаясь к примерам из легендарного прошлого — галльским, италийским, пуническим, когда Город был на краю от гибели, но смог спастись... (Ibid. I. 119-

²⁷ Альбрехт М. фон. Указ. соч. С. 1461.

²⁸ История римской литературы. В 2 тт. / Под ред. С.И. Соболевского, М.Е. Грабарь-Пассек, Ф.А. Петровского. Т. II. М., 1962. С. 385.

²⁹ Гаспаров М.Л. Указ. соч. С. 23.

³⁰ Там же. С. 94.

³¹ Мансуэлли Г., Блок Р. Цивилизации древней Европы. Екатеринбург, 2007. С. 315.

128) Он выражает уверенность, что Рим и сейчас сможет восстановиться от упадка, находя в бедах современного Рима еще один источник его будущей славы: «...ты укрепляешься тем, чем рушатся прочие царства...» (Ibid. I. 139), - и все враги Рима (в частности, готы) будут наказаны, как и прежде, Город снова будет процветающим, его казна будет обширна, ему снова подчинятся все земли ойкумены от африканских до рейнских, воды Тибра снова станут транспортной артерией (Ibid. I. 141 - 154); здесь же следует указание на возраст Рима, пережившего огромное количество событий – ссыла на 1169-летний возраст служит еще одним обоснованием вечности. Даже разоренный, Рим оставался для Запада знаковым³². Его сакральное языческое значение автор пытается передать за счет упоминания традиционных римских инсигний, олицетворявших власть: консульских фаск (Ibid. I. 175 - 176), римского форума (Ibid. I. 210), тоги (Ibid. I. 468), шести консульских секир, носимых ликтором (Ibid. I. 580).

Провозглашение поэтом «возрождения» и «высшей мощи» Рима - не что иное, как попытка уйти от действительности, противопоставить миф жестокой реальности. Исследователи отмечают, что на фоне воззвания к Риму, проникнутого верой в его вечность и непоколебимость отсутствие хоть какого-нибудь упоминания об императоре или дворе демонстрирует всю обреченность представлений поэта³³ – в реальности возрождение Рима не имело для себя источника, кроме славного прошлого и веками установленных традиций. Поэтому всю поэму пронизывает сдержанная мрачность и ноты стоического фатализма³⁴. Автор пытается уйти от действительности, постоянно возвращается к прошедшим временам, но вынужден против воли свидетельствовать об ужасных современных событиях и критическом состоянии римских территорий. Он с горечью и болью пишет об этом: «...и своего земляка галльские пашины зовут. / Обезобразили их бесконечные войны... ..Больше нельзя нам не знать разорения этого края - / Мешкает помощь и тем множит размеры беды. / Там, на полях истерзанных после пожаров, / Время поставить дома хоть бы лачугам под стать...» (Ibid. I. 20 - 30); «...и Аврелиев путь, и этрусские пашины / гетским огнем и мечом разорены, и когда / всюду леса без жилья, и на реках мостов не осталось...» (Ibid. I. 39-41).

Жизнь Сидония Аполлинария (ок. 430-486 гг.), еще одного галло-римского магната, проходила на фоне еще более поздних событий римской истории, более того, он стал свидетелем гибели Западной Римской империи, на десять лет пережив эту катастрофу. Сидоний не упоминает данный факт в своей обширной переписке, что, скорее всего, свидетельствует о том, что писатель давно не питал никаких надежд на возрождение былого могущества государства с Римом во главе, все его чаяния были связаны с родной провинцией, Галлией.

Чтобы яснее представить восприятие Сидонием Галлии и соотнести с восприятием Рима, необходимо обратиться к его панегирикам. В них видны взаимосвязанные образы центра и периферии. И здесь особого интереса заслуживает панегирик императору Авиту (455 г.), который был произнесен галло-римским поэтом в честь восшествия Авита на трон. Сидоний восхвалял галльское происхождение Авита, говоря ему следующее: «Земля эта славна своими мужами. Ты же, овернец, обрабатывающий эту землю, пеший, ни шагу не уступишь в строю тем, кого побеждаешь на коне. Да будет свидетельство этому страшившее всех счастье Цезаря, когда отброшенные от холмов Герговиш, его солдаты едва устояли в самом лагере» (Sid. Carm. 11. 435-748). Очень часто в произведениях Сидония можно увидеть как он выделяет самобытность Оверни и противопоставляет населяющий ее народ, «...равно которому не создавала еще щедрая природа...» (Ibid.) старому роду римлян. Нельзя не согласиться с мнением Л.П. Карсавина в том, что говоря о принадлежности к галльскому народу, Сидоний подчеркивал значение самостоятельности Галлии на территории Римской империи³⁵. Галлия представляет собой великое единое целое – Рим: «Твоя Галлия – говорит в панегирике Юпитер Риму – должна была дать залог мира» (Ibid.). По представлениям Сидония, Авит являлся помазанником Галлии для всей Римской империи. Его роль заключалась в повороте хода истории в лучшую сторону: «Я не знаю – говорит Рим – кто может сравниться с Траяном, только если ты, Галлия, вновь пошлешь того, кто победит» (Ibid.). Причиной упадка великой державы Сидоний видел ее кризис, при этом, «единственной надеждой» может стать лишь Галлия³⁶. Рим вырождался, дух римского народа уже не тот, по-

³²Аверинцев С.С. Символика раннего Средневековья / Другой Рим. СПб., 2005. С. 76.

³³Гаспаров М.Л. Указ. соч. С. 31.

³⁴Там же. С. 30.

³⁵Карсавин Л.П. Из истории духовной культуры падающей римской империи (Политические взгляды Сидония Аполлинария). СПб., 1908. С. 19.

³⁶Там же.

этому Риму нужен был оплот, т.е. Галлия. Эта мысль и является главенствующей в панегирике Авиту. Рим ровно, как и Галлия очень дорог Сидонию. Если Рим - в его понимании – это символ былого могущества, то Галлия – символ нового центра империи.

Через полтора года Авит был свергнут с престола, и Сидоний Аполлинарий должен был вернуться в Галлию, где принял деятельное участие в возмущении провинции против нового императора, Майориана. В 458 г. Сидонию удалось получить прощение Майориана, и в благодарность за это он сложил панегирик и в честь нового императора, таких же размеров, как и в честь своего тестя (Carm. IV-V, Epist. I. 11).

С ранних лет Сидоний был связан с группой патриотически настроенных галло-римских аристократов, которые хотели видеть Галлию главной политической силой в Западной империи при помощи готских *foederati*. В то время, когда готы были полезны галло-римлянам в качестве союзников-федератов, Сидонию было выгодно закрывать глаза или даже оправдывать недостатки варваров (в качестве таковых, в первую очередь, упоминается их принадлежность к арианской ереси, поскольку Сидоний был не просто представителем ортодоксального христианства, но занимал пост епископа). Когда же готы из союзников превратились в завоевателей, Сидоний, как истинный патриот, резко меняет свои взгляды, и из лагеря сторонников варваров переходит в лагерь их ярых противников, возглавляя оборону родной земли от агрессоров.

Несмотря на героически возглавляемую Сидонием защиту Клермона от готской осады, в 475 г. император Юлий Непот сдает остаток территорий Галлии, включая Клермон, Эйриху. Многие знатные галло-римляне, которые хоть однажды бывали в столице Галлии Арле, теперь добивались покровительства Эйриха при готском дворе³⁷. Сидония же, оказавшего открытое сопротивление, король готов отправил в ссылку в крепость Ливию, около испанской границы. Тяжелое положение свое в изгнании Сидоний Аполлинарий изобразил в небольшом стихотворении (Carm. XII), обращенном к другу его Катуллину.

Очевидно, что подобного рода события не давали галльскому аристократу никаких оснований для надежд на воскрешение Империи: «...из-за неудач Империи, ничего не сможет удовлетворить нас, кроме процветания каждой провинции...» (IV. 14, 1).

Однако, как и в творении Рутилия Намациана, действительность в интерпретации Сидония получает «некий эталонный, вневременной характер»³⁸, великие примеры прошлого заслоняют настоящее. Так, например, при виде Мантуи Сидоний вспоминает мятеж великого Цезаря, при виде Фано – смерть Гасдрубала (I. 5, 3), тогда как тот же Сальвиан при виде любого города замечает лишь грязь и пороки (Salv. VI, 13-15).

Таким образом, вера в Рим как в сакральный центр империи, гарант её вечности и непобедимости, питала граждан на протяжении многих лет. Это, в свою очередь, являлось фундаментальной основой и питательной средой римского патриотизма, который сумел проникнуть во все сферы жизни покоренных племен и сделать из них ярых приверженцев Рима, римских идеалов и обычаев.

Распространение патриотизма римского образца в галльском обществе происходило постепенно под влиянием совокупности факторов: вследствие романизации галльского общества исчезло представление о роде, прервалась нить передачи знаний от друидов к способной аристократии, таким образом, появилась «проримская аристократия»; учреждение латинских школ также сыграло свою роль в уничтожении галльской «верхушки общества» и усилении римских идеалов в среде галльского населения; управление осуществлялось в соответствии с римским правом, администрация опиралась на местную элиту; город в Галлии становится сосредоточием экономической, политической и культурной жизни, центром римского влияния на местное общество.

В позднеантичный период Галлия мыслилась ее детьми центром культурной жизни империи и оплотом ее государственности. В данном исследовании, мы рассмотрели разные грани галло-римского патриотизма, оттенки которого зависели и от хронологических периодов, отличающихся все более ослабевающей ролью государства во всех сферах общественного бытия, и от вероисповедания, представленного как полярными взглядами на высшие силы – язычество и христианство, так и разной силой проявления христианского пыла.

³⁷ Подробнее об этом см.: King A. Roman Gaul and Germany. Berkley, etc., Univ. of California Press, 1990. 240 p.

³⁸ Шкаренков П.П. Римская империя в «эпоху упадка»: между мифом и реальностью // Новый исторический вестник, 2004. № 2 (11). С. 22.